

I

Дворецкий и профессор

Уорбек-Холл считается самым старым жилым домом в Маркшире. Угловая северо-восточная комната, служащая семейным архивом, — вероятно, самая старая его часть, и уж точно самая холодная. Вацлав Боттвинк, доктор философии Гейдельбергского университета, почетный доктор филологии Оксфордского университета, бывший профессор современной истории Пражского университета, член-корреспондент полудюжины научных обществ от Лейдена до Чикаго, почувствовал, как холод пробирает его до костей; он сидел, склонившись над страницами сложенных в стопку блеклых манускриптов, и время от времени отрывался от чтения, чтобы своим угловатым иностранным почерком выписать из них некоторые отрывки. К холоду он привык. Холодно было в его студенческой квартире в Гейдельберге, еще холоднее — в Праге в 1917 году, а холоднее всего — в концлагерях Третьего рейха. Он чувствовал холод; однако он не позволял холоду себя отвлекать —

до тех пор, пока его пальцы слишком сильно немели, чтобы держать ручку. Холод был лишь надоедливym фоном для работы. Настоящим препятствием, которое беспокоило его в данный момент, был отвратительный почерк, которым третий виконт Уорбек записывал комментарии к письмам, полученным им от лорда Бьюта в первые три года правления Георга III. Ох уж эти заметки на полях! Ох уж эти неразборчивые сокращения и вставки между строк! Доктор Боттвинк начинал испытывать личную неприязнь к этому жившему в восемнадцатом веке аристократу. Получатель столь важной информации, хранитель государственных тайн, неизмеримо ценных для последующих поколений, в достаточной степени обладал чувством долга, чтобы сохранить письма нетронутыми, но затем вдруг решил испещрить самые ценные конфиденциальные сообщения неразборчивыми каракулями — о, это было невыносимо! Именно по этой причине изучение документов в Уорбеке заняло вдвое больше отведенного на него времени. А время было дорого для стареющего ученого, чье здоровье уже было не тем, что прежде! И это будет *его* вина, если работа, которая должна была показать развитие английской конституции между 1750 и 1784 годами, останется неоконченной из-за смерти автора. Доктор Боттвинк сердито и не-

доуменно смотрел на лежащие перед ним каракули и сквозь два столетия шепотом слал проклятия на голову лорда Уорбека и его плохо очиненное перо.

В дверь осторожно постучали, и, не дожидаясь ответа, в комнату вошел слуга. Это был пожилой дородный мужчина с неопределенным выражением лица, характерным для дворецкого из хорошего дома.

— Я принес вам чаю, сэр, — сказал он, опуская поднос на стоящий посреди комнаты стол.

— Благодарю вас, Бриггс, — сказал доктор Боттвинк. — Вы очень добры. Право, не стоило беспокоиться.

— Никакого беспокойства, сэр. Я и сам обычно выпиваю чашку чая примерно в это время, а сюда из буфетной всего один лестничный пролет.

Доктор Боттвинк серьезно кивнул. Он был в достаточной степени знаком с английскими традициями, чтобы знать, что даже в нынешнее время дворецкий, как правило, не объясняет, почему он подал чай находящемуся в доме гостю. Именно потому, что он находился здесь не совсем на правах гостя, Бриггс счел необходимым объяснить, почему для него не составило труда подняться на один лестничный пролет. Доктор Боттвинк смаковал это

тонкое социальное отличие с несколько противоречивым удовольствием.

— И тем не менее, вы очень добры, Бриггс, — настойчиво сказал он, тщательно подбирая английские слова. — Даже если мы такие близкие соседи. Между нами говоря, мы с вами — единственные обитатели изначального здания Уорбек-Холла.

— Совершенно верно, сэр. Эта часть дома была на самом деле построена самим Перкинсом Уорбеком в...

— Ах, нет, Бриггс! — доктор Боттвинк наливал себе чай, но прервался, чтобы поправить дворецкого. — Вы можете говорить подобные вещи гостям и туристам, но не *мне*. На самом деле Перкин Уорбек — это миф; я хочу сказать, миф не в историческом смысле, а в отношении семьи лорда Уорбека. Между ними нет никакой родственной связи. Эта ветвь рода Уорбеков имеет совершенно иное происхождение, и я вас уверяю, гораздо более респектабельное. Все это записано в этих вот документах. — Он кивнул на стоящий у стены дубовый шкаф за своей спиной.

— Что ж, сэр, — вежливо ответил Бриггс, — по крайней мере, так говорят у нас в Маркшире.

Что бы там ни собирался возразить на это доктор Боттвинк, он сдержался. Вместо этого

он пробормотал себе под нос: «Так говорят у нас в Маркшире...», и залпом выпил свой чай. Вслух он сказал:

— Этот чай очень бодрит, Бриггс. Он согревает сердце.

Он с некоторой гордостью взглянул на дворецкого, чтобы убедиться, что тот оценил его владение английскими идиомами. Бриггс позволил себе слегка улыбнуться.

— Именно так, сэр, — сказал он. — Сегодня очень холодно. Кажется, будет снег. Судя по прогнозу погоды, можно ждать белого Рождества.

— Рождества?! — доктор Боттвинк поставил чашку. — Неужели уже почти конец года? В таком месте совершенно теряешь счет времени. Рождество в самом деле скоро?

— Послезавтра, сэр.

— Я и понятия не имел. Я занимаюсь этой работой гораздо дольше, чем намеревался. Я и так уже слишком долго злоупотребляю гостеприимством лорда Уорбека. Возможно, он сочтет мое пребывание здесь неудобным в такое время. Мне следует спросить его об этом.

— Я взял на себя смелость, сэр, заговорить об этом с его светлостью как раз сегодня, когда подавал ему чай. Он выразил желание, чтобы вы оставались его гостем на время праздников, если вы сочтете это удобным.

— Это очень любезно с его стороны. Я воспользуюсь возможностью лично поблагодарить его за это, если он сможет меня принять. Кстати, как он сегодня?

— Его светлости лучше, благодарю вас, сэр. Он поднялся, но еще не спускался.

— Поднялся, но еще не спускался, — задумчиво повторил доктор Боттвинк. — Поднялся, но не спускался! Английский — прекрасный в своей выразительности язык!

— Верно, сэр.

— Кстати, Бриггс, вы только что говорили о праздниках. Я полагаю, что при нынешних обстоятельствах празднование будет носить чисто умозрительный характер?

— Прошу прощения, сэр?

— То есть не будет ни пирушек, ни... ни... — он нетерпеливо защелкал пальцами, пытаясь подобрать нужные слова, — ни шумного веселья?

— Не могу сказать, сэр, в какой именно форме будут проходить празднования; но думаю, можно предположить, что Рождество будет тихим. Его светлость пригласил лишь нескольких членов семьи.

— О, так, значит, гости будут? И кто именно?

— Сэр Джулиус приедет сегодня вечером, сэр, а завтра...

— Сэр Джулиус?

— Сэр Джулиус Уорбек, сэр.

— Но он ведь канцлер казначейства в нынешнем правительстве, так?

— Именно так, сэр.

— Из моих бесед с лордом Уорбеком у меня сложилось впечатление, что его политические взгляды носят совершенно иной характер.

— Политические взгляды, сэр? Насколько я понимаю, сэр Джулиус придет просто в качестве двоюродного брата лорда Уорбека.

Доктор Боттвинк вздохнул.

— После стольких лет, — сказал он, — я порой чувствую, что никогда не пойму Англию. Никогда.

— Я еще нужен вам, сэр?

— Прошу прощения, Бриггс. Мое вульгарное континентальное любопытство отрывает вас от работы.

— Вовсе нет, сэр.

— Тогда, если вы выдержите в этом ледяном холоде еще минутку, я был бы рад, если бы вы сказали мне еще кое-что важное для меня. Кем именно я буду являться в доме в период этих рождественских праздников?

— Сэр?

— Наверное, мне будет лучше держаться в тени? Лорд Уорбек был очень любезен, обращаясь со мной как с гостем, но я, естественно, не жду, что окажусь в равном положении с членами его семьи — особенно когда его светлость

поднялся, но еще не спускался. Ситуация довольно деликатная, а, Бриггс?

Дворецкий кашлянул.

— Вы говорите о еде, сэра? — спросил он.

— В общем, да, я полагаю, еда представляет собой основную трудность. В остальное время я вполне могу заняться делом здесь, наверху. Что вы посоветуете?

— Я осмелился упомянуть об этой проблеме в разговоре с его светлостью. Трудность, как вы понимаете, сэра, в персонале.

— Признаюсь, я не очень понимаю эту трудность.

— В прежние времена, сэра, — продолжил Бриггс, предавшись воспоминаниям, — не было бы никакого беспокойства. Было бы четыре работника в кухне, и два лакея под моим началом, и, конечно же, те слуги, что приехали бы с гостями, тоже могли бы помогать. Но при том, как обстоят дела сейчас — я ведь один, и я сказал его светлости, что никак не смогу подавать еду отдельно для всех. Одна подача в столовой и одна в комнате для слуг — это все, с чем я могу справиться; и конечно, нужно еще отнести поднос наверх его светлости. Поэтому, если вы не возражаете, сэра...

— Я вполне понимаю, Бриггс. Я сочту за честь столоваться с вами, пока здесь будут гости.

— О, нет, сэр! Я совсем не это имел в виду. У меня бы и мысли не возникло предложить подобное его светлости.

Доктор Боттвинк понял, что, несмотря на все свои усилия, он в очередной раз допустил оплошность.

— Что ж, — покорно сказал он, — отдаюсь в ваши руки, Бриггс. Значит, я буду завтракать, обедать и ужинать с членами семьи?

— Если не возражаете, сэр.

— Возражать? Мне? Надеюсь, что это они не будут возражать. В любом случае, я буду счастлив познакомиться с сэром Джулиусом. Возможно, он просветит меня касательно некоторых вопросов конституционной практики, которые я все еще нахожу неясными. Может быть, вы расскажете мне, с кем еще мне предстоит познакомиться?

— Будут только две дамы, сэр, — леди Камилла Прендергаст и миссис Карстерс.

— Леди Прендергаст тоже член семьи?

— Не леди Прендергаст, сэр, — леди Камилла Прендергаст. Это титул по обычаю¹. К ней обращаются «леди Камилла», потому что она графская дочь. Она племянница первого мужа покойной ее светлости. Мы считаем

¹ Титул, носимый по обычаю, не дает права на членство в палате лордов. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

ее членом семьи. Миссис Карстерс — не родственница, но её отец много лет был пастором этого прихода, и она, так сказать, выросла в этом доме. Это все гости — не считая мистера Роберта, конечно.

— Мистер Роберт Уорбек, сын хозяина дома — он приедет сюда на Рождество?

— Разумеется, сэр.

— Да, — сказал сам себе доктор Боттвинк, — полагаю, это естественно. Странно, что я о нем не подумал. — Он повернулся к дворецкому. — Бриггс, а мне никак нельзя все-таки столотаться в комнате прислуги?

— Сэр?

— Не думаю, что мне доставит большое удовольствие сидеть за одним столом с мистером Робертом Уорбеком.

— Сэр?

— О, теперь я вас шокировал, Бриггс; мне не следовало этого делать. Но знаете ли вы, кто такой мистер Роберт?

— Конечно, знаю, сэр, — сын и наследник его светлости.

— Я говорю о нем не в этом смысле. Разве вы не знаете, что он является президентом этого начинания, которое именуется «Лигой Свободы и Справедливости»?

— Насколько я понимаю, так и есть, сэр.

— «Лига Свободы и Справедливости»,

Бриггс, — очень медленно и четко произнес доктор Ботвинк, — это фашистская организация.

— В самом деле, сэр?

— Вас это не интересует, Бриггс?

— Я никогда особо не интересовался политикой, сэр.

— Ох, Бриггс, Бриггс, — сказал историк, с печальным восхищением качая головой, — если бы вы знали, как вам повезло иметь возможность так говорить!